

Б. СТ. АНГЕЛОВ

К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей¹

Несмотря на то что по вопросу о начале русско-болгарских литературных связей написано немало, он все еще нуждается в более детальном изучении. Для этого нужно не только привлечь новые материалы, но и подвергнуть переоценке те, которые были известны до сих пор.

При наличии в этой области современных исторических данных, после большой научно-исследовательской работы многих ученых, преимущественно русских, можно ли согласиться с предположением, что болгарская литература начала проникать в Россию только в конце X в.?² В основе этого утверждения находится неправильное представление о проникновении на Русь болгарской книги только после объявления там христианства официальной религией. Действительно, этот акт, сыгравший исключительно важную роль в жизни русского народа, имел большое значение для проникновения и укрепления на Руси древнеболгарской книги как полезной предпосылки дальнейшего расцвета древнерусской литературы. Нельзя ставить под сомнение или недооценивать значение принятия христианства на Руси для развития и взаимных связей русской и болгарской литератур. Однако имеем ли мы основания рассматривать начало этих отношений только в связи с введением новой религии? Не отрицая наличия их к этому времени, нельзя не предположить, что фактически они начались раньше и таким образом до известной степени подготовили и облегчили принятие христианства. Прежде всего такая постановка вопроса хронологически расширила бы проблему о начале письменности на Руси, которую связывали до сих пор с введением христианства в 988 г. Известно, что потребность в письменности появляется не только в связи со становлением церкви и религиозными нуждами народа, но и в связи с его общим политическим и экономическим развитием. И именно потому еще до принятия христианства русские использовали для своих практических и других нужд греческое письмо, о чем свидетельствуют договоры Киевской Руси с Византией в первой половине X в.

Особую ценность представляют некоторые исторические данные, которые хотя и не говорят прямо о раннем проникновении древнеболгарской литературы в Россию, но все же дают основание для такого предположения. Приблизительно одинаковые или весьма сходные условия обще-

---

¹ Перевод с болгарского выполнен И. Д. Пауновским. (Ред.).

² М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — Славянский сборник, М., 1947, стр. 164—165: «Нет никакого сомнения в том, что письменность на Руси была тесно связана с очагами культуры на Балканском полуострове, хотя до сих пор не сделано скольких-нибудь полных исследований в этой области... Время проникновения южнославянской письменности на Русь восходит по крайней мере к концу X в.»

ственно-политического и экономического развития России и Болгарии в IX—X вв. порождают и приблизительно одинаковые общественные и культурные явления в их жизни. На такой основе прежде всего строятся их взаимные связи в области духовной жизни — литературы, культуры, церкви.

Какие факты говорят о проникновении болгарской книги в Россию еще до принятия христианства? Мы увидим, что они тоже связаны с христианством на Руси, но относятся к более раннему периоду — периоду неофициального (преимущественно нелегального) распространения христианской веры среди русского народа.

1. Хорошо известно, что русские предпринимают множество походов против Византии, в основном против Царьграда. При этом они часто проходят через болгарские земли, общаются с болгарским населением, а иногда прямо с представителями власти. Известны факты, что болгары, выполняя некоторые поручения Византии, ставили в известность Царьград о движении русских войск. Однако есть случаи, когда они не сообщали о движениях русских на юг.

«Русские и болгарские историки одинаково игнорируют постановку вопроса о связи южных славян с русскими в эпоху, предшествующую известным походам Святослава. В действительности же и походы Олега и Игоря на Царьград становятся понятными только в свете болгаро-русских связей IX—X вв., связей, которые неизменно шли через страну уличей и тиверцев».³ Русские заключают договоры с Византией на греческом языке. По утверждению академика С. П. Обнорского, договор Олега в 911 г. перевел болгарин, знающий язык.

В этом отношении особое место занимают походы киевского князя Святослава на Балканский полуостров, особенно в Болгарию. Имея в виду, что его мать Ольга была убежденной христианкой и ревностной распространительницей христианства на Русской земле, можно предположить, что в составе войска Святослава было немало русских христиан. Об этом свидетельствует один отрывок из Иоакимовской летописи, где рассказывается о гибели значительной части войска Святослава Киевского во время его Дунайского похода. Здесь совершенно определенно сказано, что в составе войска Святослава есть христиане и что в Киеве есть христианские храмы и пр.: «...тогда дьявол взявше сердца вельмож нечестивых: начаша клеветами на христианы, сущие в воинстве, якобы сие падение вой приключилось от прогневания лжебогов их христианами, он же толикс развирепе, яко и единого брата своего Глеба не пощаде, но, разными муками томя, убиваше. Они же с радостию на мучение идяху, а веры христовой отврещися и идолом поклонитися не хотяху; с веселием венец мучения приимаху. Он же, видя их непокорение, наипаче на пресвитеры яряся, якобы тии чарованием неким людям отвращают и в вере их утверждают: посла в Киев, повеле храмы христиан разорити и сожещи и самъ вскоре поиде, хотя вся христианы изгубити».⁴

Сообщение Иоакимовской летописи ясно свидетельствует об общении болгар с русскими, что не могло не оказать воздействия на религиозные чувства последних, тем более что первая половина X в. — время интенсивного развития церковной и культурной жизни в Болгарии. Разве возможно, чтобы эта культурная жизнь не оказала воздействия на русских воинов? Немаловажное значение имеет и тот факт, что они слушали хри-

³ М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа..., стр. 136.

⁴ П. А. Лавровский. Исследование о летописи Якимовской. — Ученые записки II отделения Академии наук, кн. II. СПб., 1856, стр. 142.

стианскую проповедь на понятном языке. Такие настроения делают совершенно естественным перенесение в Россию древнеболгарских рукописных книг. И действительно, некоторые позднейшие известия говорят в пользу подобного предположения.

2. Правильная постановка вопроса о проникновении и распространении христианства в России до 988 г. облегчила бы правильное разрешение проблемы раннего проникновения болгарской книги в Россию. Нет никаких оснований думать, что царьградская патриархия и подчиненная ей болгарская церковь не стремились к распространению христианства среди русского народа. Такие стремления бесспорно были, и они отличались настойчивостью, особенно в середине X в. Они обнаруживались прежде всего в снабжении церковей священниками и богослужебными книгами. Хорошо известны факты о княгине Ольге, которая крестилась в 957 г., о ее деятельности в области распространения христианства, а также факты относительно русских христиан, посещавших киевскую церковь св. Ильи, и др. О воздействии христианства в этот период свидетельствует русская летопись: «Живущи же Ольга с сыном своим Святославом, и учаше его мати креститися, нъ небрежаше того словесе, ни в уши влагаше себе; нъ аще кто хотяще волею крестится, не възбраняху ему, нъ паче ругахуся тому... Он же (Святослав, — Б. А.) не внимаше, глаголя: „как аз хошу ин закон приняти един, а дружина смеятися начнуть и ругатися“». ⁵ Чрезвычайно ценным является известие о том, что Ольга имела «прозвутера втайне». ⁶

3. Нет никаких исторических данных, которые говорили бы о существовании греческого богослужения в России в пору принятия христианства. Среди подарков, которые Ольга получила при своем крещении в Царьграде, бесспорно имелись книги, причем болгарские. Это тем более вероятно, если принять во внимание то обстоятельство, что Ольга не знала греческого языка, — она поехала в Царьград с двумя переводчиками.

4. Великая просветительная деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии и Паннонии во многом облегчила проникновение христианства в русские земли. Так как области, в которых работали Кирилл и Мефодий, непосредственно соприкасались с западными территориями русских, в частности с Прикарпатской областью, то вполне естественно, что их дело, проникнув в эту область, коснулось местного русского населения. Заодно с христианством среди русских бесспорно распространялась и славянская книга. Этому вопросу следует уделить в научной литературе больше внимания, чем это было до сих пор. Еще И. Первольф высказал мысль о возможности распространения славянской письменности в России непосредственно из Моравии. ⁷

5. Культ Кирилла и Мефодия, существовавший в средневековой России, объясняется тем, что их дело, проникая в русские земли, непосредственно воздействовало на русских христиан. Старейшие из русских памятников отмечают существование празднования памяти Кирилла и Мефодия, что свидетельствует о популярности славянских просветителей с древнейших времен.

6. В «Повести временных лет» утверждается, что для более быстрого введения христианства князь Владимир начал строить церкви и что он собирал детей знатного происхождения, которых отдавал «на ученье книж-

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 116.

⁶ Там же, стр. 120.

⁷ Иосиф Первольф. Славяне. Их взаимные отношения и связи, т. II, Варшава, 1888, стр. 565.

ное». Дальше говорится: «Сим же раздаяном на ученье книгам събытся пророчество на Русьстей земли, глаголющее: „Во оны днии услышать глусии словеса книжная, и ясн будеть язык чугнивых“. Си бо не беша преди слышали словесе книжнаго, но по божую строю и по милости своей помилова бог, яко же рече пророк».⁸ Если бы автор летописи имел в виду греческое письмо и греческую литературу, он не мог бы сказать, что книжное слово стало уже понятным для русских. Ясно, что здесь речь идет о славянской письменности, которая распространялась среди русских, и что слова «ученье книжное» нужно понимать в смысле обучения на славянском языке, которое проводилось с помощью славянских книг. Здесь бесспорно говорится о славянских, и ни в коем случае не о греческих книгах. Значит, в самом акте крещения принимали участие болгары, с болгарскими книгами, хотя и в качестве посланцев царьградского патриарха.

Можно ли полагать, что учителя, у которых дети бояр усваивали «ученье книжное», были греками? Гораздо правильнее было бы думать, что эти учителя — славяне, пользующиеся славянскими книгами, ибо только такие учителя могли бы ясно и понятно преподнести русским христианскую религию, о чем и говорится в «Повести временных лет». Вот что говорит по этому поводу Е. Голубинский: «Выше мы начинали речь о сношениях Владимира с болгарами. Несомненно, что он имел эти сношения, хотя известные пока исторические памятники ничего и не говорят о них; он должен был иметь их, потому что славянские богослужебные книги он мог получить только от болгар и никак не от греков, о чем скажем ниже. Мы говорили, что положительные признаки, на основании которых следовало заключить, что Владимир входил в сношения с болгарами прежде греков, весьма ненадежны и что вопрос должен быть решаем исключительно в области простой вероятности. В этой последней области представляется вероятнейшим думать, что Владимир входил в сношения с болгарами прежде начала сношений с греками. Ранее или позднее он должен был приобрести от болгар славянские богослужебные книги. А если так, то естественно думать, что он позаботился о них прежде крещения народа, так чтобы к сему последнему иметь уж их готовыми. Но, приобретая от болгар книги, Владимир не мог не позаботиться о приобретении вместе с тем и священников, которые могли бы быть приготовителями его народа к христианству...».

Е. Голубинский считает, что сообщение летописца о войне Владимира в 985 г. касается не волжских болгар, как это думал Карамзин, а дунайских болгар: «Иде Володимер на болгары с Добрынею с уем своим в лодьях, а торьки берегом приведе на коних».⁹

7. В своем «Слове о законе и благодати» митрополит Иларион считает лишним разъяснять проповедь пророков Христа и апостольское уче-

⁸ Повесть временных лет, ч. I. Текст и перевод. М.—Л., 1950, стр. 81.

⁹ Е. Голубинский. Обращение всей Руси в христианство Владимиром... — ЖМНП, ч. 190. СПб., 1877, стр. 144. Основываясь на вышеуказанных словах в «Повести временных лет», И. И. Срезневский пишет: «Все книги, нужные для русского христианина того времени, были уже в употреблении у других славян, между прочим и у болгар и славян византийских: от них перешли они и в Русь, как можно заключить отчасти и по языку. Из сказаний о книгах, которыми обогатили старославянскую письменность братья первоучители Кирилл и Мефодий и их ученики и последователи, а равно и другие ревнители христианства у славян в IX—X веке, можно заключать, какие именно книги могли быть перенесены на Русь в первое время введения христианства... Впрочем, вышеприведенные слова летописи напоминают только о таких книгах, которые считались в то время самыми необходимыми для учения, т. е. псалтыри, евангельских чтений и молитвенников» (И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882, стр. 10).

сывание церковных и вообще религиозных книг, бывшие уже в полном разгаре во времена Ярослава, служат новым подтверждением той же истины, что такие сношения были только продолжением прежних, начатых св. Владимиром.¹⁶

11. В 1047 г. поп Упырь Лихой из Новгорода переписал «Книгу проков с толкованиями». В приписке, сохранившейся в копии XV в., Упырь Лихой пишет: «Слава тебѣ, ги црю небныи, ꙗко сподобы мя написати книги си ис коуриловицѣ князю Володимеру, Новѣгородѣ княжящю, снви Ярославлю Болшему».¹⁷

Замечание о том, что книга списана «ис коуриловицѣ», указывает на существование какого-то другого алфавита, которым пользовались для написания книг. Бесспорно, переписчик хотел подчеркнуть, что его книга является переводом или списком не с греческого оригинала, а со славянской книги. Славянская книга получила уже в России большое распространение и известность, она пользовалась авторитетом. Словами «ис коуриловицѣ» переписчик старался поднять авторитет своей книги.

12. Иоакимовская летопись содержит свидетельство о помощи, которую князь Владимир получил во время принятия русским народом христианства. После известия о крещении Владимира, его сыновей и всей Руси здесь говорится: «Царь же болгарский Симеон присла иереи учены и книги доволны».¹⁸ Правда, в науке существуют серьезные возражения против автентичности этой летописи,¹⁹ но если бы даже летопись относилась к позднему времени, это известие могло все же основываться на более ранних источниках. Имя Симеон относится, как считает П. А. Лавровский, к сыну царя Петра — Роману. После смерти своего брата Бориса как законный наследник престола Роман сбежал в Царьград, чтобы бороться против царя Самуила, овладевшего болгарскими землями. В Царьграде именно Роман «и назывался, в честь своего деда, Симеоном, как свидетельствует о том Кедрин и Зонара. Таким образом, Симеон был, и притом имевший право на титул царя болгарского, и, следовательно, Якимовская летопись не может представлять в этом обстоятельстве ни малейшего анахронизма, который бы обличал ее в подлоге».²⁰ И В. В. Качановский считает, что «обстоятельство это едва ли есть основания заподозреть».²¹

13. В житии князя Владимира сообщается, что после того как по его велению была в Киеве построена церковь Богоматери, он назначил там епископа и священников и, кроме того, подарил все, что было взято из города Корсуна: «сим повелѣ во стѣи се цркви вса двѣствовати і слѣжба творити и сие бо им впаде, ꙗже бѣ взял в Коржѣни. Иконы і крсты, книги і сосѣды црковныя».²² Нельзя ли предположить, что эти книги были славянскими, что в Корсунь они были привезены южнославянскими проповедниками христианства?

14. Заслуживает внимания также известие о принятии русскими христианства в 866 г.: «Тогава Василий Македонецѣт държение скиптѣра на

¹⁶ Там же, стр. 150—151.

¹⁷ А. Х. Востоков, Филологические наблюдения, стр. 80; И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка, стр. 17.

¹⁸ П. А. Лавровский, Исследование о летописи Якимовской, стр. 147.

¹⁹ С. К. Шамбинаго, Иоакимовская летопись. — ИЗ, т. 21. [М.], 1947, стр. 254—270.

²⁰ П. А. Лавровский, Исследование о летописи Якимовской, стр. 148.

²¹ В. В. Качановский, Из истории сербской литературы. — Известия Института Безбородко, т. XVIII, стр. 4.

²² ЧОИДР. М., 1889, кн. 3, стр. 39; Е. Голубинский, История русской церкви, т. I, ч. 1. М., 1901, стр. 246—247.

роменте. Той прие с голема радост проведените от тех (русите) люде, и им изпрати един архиерей, известен с благочестие и добродетел, и с него още двама човека — Кирила и Атанасия, които също тъй бяха добродетелни, много учени и разумни, и не само че знаеха напълно божественото писание, но и мирските науки бяха хубаво изучили, за което свидетелствуват написаните от тях съчинения. Те като отидоха там, поучаваха всички, кръщаваха ги и ги наставляваха в християнско благочестие. Но като видяха варварството и съвършената простота на този народ, речението многоучени мъже не заблагодаряваха да го учат по елинските 24 букви, да не би да го отклонят пак от благочестието, та по тая причина му начертаха 35 писмена и потях го учеца. А названието на тия писмена е такава: аз, буки, веде... и пр. Такива са 35-те букви у русите».²³

15. Подробный филологический и палеографический анализ старших русских кирилловских рукописей доказывает, что они очень часто восходят к глаголическим оригиналам из западной Болгарии. Такому анализу, как это подчеркивает М. Н. Сперанский, надо уделить больше внимания. Выводы, которые М. Н. Сперанский делает на основании известных ему материалов, чрезвычайно интересны.

Из всего предыдущего анализа как со стороны языка, так и со стороны палеографической, связанного с общими историческими и вообще культурными переживаниями Руси X—XI вв., а также главным образом Болгарии, мы можем, кажется, построить такого рода предположение: русская письменность и литература до официального принятия христианства Русью была уже связана со славянской письменностью Болгарии, в частности западной Болгарии и Македонии, откуда шла на Русь, естественно в ограниченном количестве, древнейшие памятники церковной письменности, по всей вероятности писанные глаголицей, обычным письмом этого времени в Македонии и западной Болгарии; отсюда же идет, по-видимому, и некоторое знакомство русской письменности с глаголическим письмом, вскоре смененным кириллицей.²⁴

Из известных нам фактов можно сделать два следующих важных вывода: во-первых, что старейшие памятники русской письменности и литературы написаны кириллицей; во-вторых, что некоторые из них сохранили остатки глаголицы. А то говорит о раннем проникновении в Россию болгарской книги, сначала глаголической. Перенесение рукописей несомненно было связано с христианским учением. Еще до крещения Владимира в России проповедуют болгарские духовные лица, привезшие туда необходимые церковно-богослужбные книги. Болгары, хорошо знавшие глаголицу, впоследствии, на русской земле, переписывают книги кириллицей, бравшей верх в Болгарии в это время. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в ранних русских списках болгарские языковые элементы. Такая постановка вопроса о начале русско-болгарских литературных связей в большой степени объясняет причины быстрого развития русской литературы и русской культуры вообще в период непосредственно после принятия христианства на Руси в конце X в.

²³ Йордан Иванов. Северна Македония. Исторически издирования. София, 1906, стр. 68—69.

²⁴ М. Н. Сперанский. Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы. — Slavia, т. VII, Прага, 1928, кн. 3, стр. 535.